

Крым в истории русской общественно-политической мысли

К сожалению, я не принимал участия в первой части форума. Предполагаю, что в докладах моих коллег нашло отражение и то, о чем я буду говорить. Хотел бы начать с вопроса о том, как влияет место на генерирование текстов, мыслей.

Крым принято воспринимать как место, которое оказало достаточно большое влияние на целый ряд культурных феноменов – на живопись, на литературу. Пушкин, как известно, своего Онегина выводил из крымского, из южного опыта. Что же касается мысли, то здесь все не так очевидно, поскольку еще Чехов заметил, что в Крыму не хочется работать, в Крыму хочется отдыхать. А мысль требует напряженной работы. И культурно-климатическая ситуация Крыма, казалось бы, не должна провоцировать людей на интенсивную мысль. В античности Таврида была в большей степени периферийной зоной. Было несколько философов, которые на Боспоре что-то говорили, и было даже несколько историков, но труды их до нас не дошли, поэтому вклад Тавриды в становление античной цивилизации достаточно скромнен, в интеллектуальном плане.

Итак, три сюжета в истории русской мысли, органически связанные с Крымом. Вторая половина 1860-х годов, небольшое имение «Мшатка» в сегодняшней Большой Ялте, между Ялтой и Севастополем. Название это не переводится адекватно ни с одного языка. Это красивое место покупает семья тогда ещё мало кому известного учёного и администратора, который занимался исследованием рыбных богатств юга России, Николая Яковлевича Данилевского. В этом имении между экспедициями, которые Данилевский осуществлял на Каспий, по Югу России, он создает свое знаменитое произведение, которое легло в основу современного представления о русском консерватизме, – труд «Россия и Европа». В 1871 году он публикуется в журналах, затем выходит отдельной книгой. Конечно, факт написания этого труда именно в Крыму можно считать случайным. Хотя тематика его вряд ли случайно связана с Крымом, поскольку незадолго до этого закончилась Крымская война. Война дала совершенно новый опыт, когда против России объединилась вся Европа. Вся цивилизованная Европа бросила вызов русскому экспансионизму, движению России в направлении Проливов. Ситуация очень похожая на современную. И тогда стоял вопрос о том, что делать с Османской империей, и сегодня стоит вопрос о том, что делать с Украиной.

Итак, Россия впервые столкнулась с общеевропейским альянсом. Даже те, кто, казалось бы, должен был помочь ей, – Австрия, которая была обязана Николаю I спасением в период революции 1848 года, – не сделали этого. Опыт,

*Мальгин Андрей Витальевич, кандидат филологических наук, генеральный директор Крымского республиканского учреждения «Центральный музей Тавриды», председатель Комиссии Общественной палаты Республики Крым по вопросам культуры и межнациональных отношений.
E-mail: andmalgin@yandex.ru*

пережитый на бастионах Севастополя, способствовал тому, что Данилевский захотел написать эту свою знаменитую работу, суть которой заключалась в резком противопоставлении интересов России интересам Европы. И то, что эта работа была написана в маленьком имении «Мшатка» в Крыму, говорит о многом. Данилевский умер не в Крыму, он умер в Тифлисе, во время одного из своих ученых путешествий. Но его тело было перенесено в «Мшатку» и похоронено там в парке, в так называемом Кипарисовом зале, где были похоронены и другие представители этого рода. После революции, когда имение было национализировано, там через некоторое время был размещен пионерский лагерь, он и сейчас там находится. Некрополь был закатан асфальтом, и могила Данилевского, то есть место, где теоретически могла находиться могила, было воссоздано только в 1990-х годах. Я хорошо помню усилия многих людей по поиску и воссозданию могилы человека, который заложил основу русского интеллектуального консерватизма.

Второй сюжет связан с иной эпохой в истории Крыма. Это период Гражданской войны, когда корабль российской государственности дал крен, и к южному его борту скатились представители самых разных занятий, самых разных интеллектуальных направлений. И получилось так, что в Крыму была сформулирована проблема духовных истоков России. Сделал это другой выдающийся отечественный мыслитель, отец Сергей Булгаков. В 1918 году он оказался в Крыму, на своей даче. Он проделал длительный путь от марксизма к идеализму, как называется сборник его работ. И в 1918 году, когда церковь переживает, может быть, самые критические дни своего существования, он принимает сан из рук патриарха Тихона и становится священником. Он возвращается из Москвы в Крым и в течение всей Гражданской войны находится в Крыму, служит в различных храмах Ялты, Симферополя, Севастополя и активно участвует в деятельности учрежденного при Врангеле церковного управления, которое потом стало основой Русской Зарубежной церкви. Он пишет проникновенные тексты, которые, насколько я понимаю, до сих пор не републиковывались из крымских газет того времени. Вместе с семьей он прожил в Крыму до 1922 года. И так же, как и Бердяев, был выслан из советской России – не на философском, а на другом пароходе, из Севастополя в Стамбул. Он просидел несколько недель в ЧК, пока велось следствие по его делу. Документы этого следствия недавно были обнаружены и опубликованы.

Но прежде, чем отец Сергей был выслан, он написал одно из главных своих произведений, которое не публиковалось при его жизни и только в 1990-х годах было опубликовано во французском католическом журнале «Символ». Это такой обширный диалог в платоновском духе и в духе Владимира Соловьева «У стен Херсониса». Автор называл его так, хотя мы привыкли произносить «Херсонес». Русский интеллигент, переживший революцию, оказывается в том месте, откуда начинается русская государственность. И отец Сергей задается вопросом, где произошел слом российского государственного сознания? Он снимает один за другим пласты русской истории в поисках изначального грехопадения русской цивилизации. Сначала он рассматривает петербургский период и делает выводы, что не в Петербурге произошло грехопадение. Идет дальше и доходит до момента крещения Руси в 989 году в Херсонесе князем Владимиром. Он пытается найти ту ошибку, которая, в конце концов, привела русскую государственность к печальным последствиям начала XX века. Он видит эту ошибку в том, что князь Владимир принимает христианство в форме православия и тем самым отвергает латинское наследие. Та интеллектуальная и духовная изоляция, в которую попадает Россия, вовлекает ее на собственный путь, который и приводит к печальным последствиям 1917 года.

Здесь отразился тот своеобразный страх перед изоляцией России от Запада, который был связан с ситуацией Первой мировой войны. Со вступле-

нием Турции в войну Россия оказалась отделена центральными странами от своих союзников по Антанте. Это была драматическая история. Казалось бы, на черноморском театре в Первую мировую войну серьезных боевых действий не велось, но именно вступление в войну Турции, а затем и Болгарии отрезало Россию от союзников по Антанте. И в 1915–1916 годах русская армия не могла получать военные припасы от стран Антанты. Уже тогда в русском обществе начался поиск некой интегральной общеевропейской идеи, тесных связей России и Европы.

Диалог «У стен Херсониса» носит чрезвычайно спорный характер. Отец Сергей никогда не публиковал его при жизни, поскольку понимал, что в нем, как он потом сам говорил, отразился «мой католический соблазн в условиях моего крымского сидения, моей крымской изоляции, крымской блокады». Тем не менее перечитать этот диалог всегда стоит, особенно его первую часть, где отец Сергей формулирует не утратившие актуальности по сей день вопросы, связанные с истоками российской государственности, истоками российского духа, интеллектуальной и политической традиции.

Третий сюжет также связан с периодом Гражданской войны, когда территория России сжалась до территории Крымского полуострова. Это период отступления армии Деникина, затем попытки Врангеля создать на территории Крыма прообраз идеального государства, идеальной России. Сам Врангель говорил о том, что мы здесь создадим катушку, на которую потом намотаем остальную Россию. Этого не получилось, но идея была интересной, Врангель запоздало попытался решить те вопросы, которые вроде бы были уже решены Лениным в большой России, – о земле, о местном самоуправлении и о введении волостного земства. Это был новый, неведомый России опыт. Но ничего не получилось, Врангель опоздал. Территория, которую он контролировал, была слишком маленькой, а напор войск красных был слишком велик, и Врангелю пришлось эвакуироваться.

В эти полтора-два года расцвета белого Крыма состоялся кратковременный, но яркий расцвет и интеллектуальной жизни. Здесь оказались многие представители различных направлений русской мысли. Они концентрировались вокруг только что созданного Таврического университета (это был последний, двенадцатый, российский государственный университет). Здесь преподавали известные фигуры: Петр Савицкий, Павел Новгородцев, который возглавлял юридическое управление врангелевской администрации, Георгий Вернадский, Лев Шестов. Именно в Крыму рождается то, что потом, в 1920-х годах, становится евразийством. Если полистать кадетские газеты 1918–1919 годов, мы увидим, как кристаллизуется, формируется идея этого движения, которая потом ложится в основу всей евразийской традиции. В значительной степени автором этих размышлений были Георгий Вернадский, который преподавал историю в Таврическом университете, и служивший в армии Врангеля Петр Савицкий. Насколько я знаю, еще не прослежена духовная генеалогия этих исканий в период крымского их сидения. И затем как это развернулось во всю ширь уже в такой удивительный извив русского консерватизма, каким можно считать евразийство.

Наверное, кроме этих трех сюжетов можно назвать и другие. Существует масса деталей, характеризующих интеллектуальную жизнь Крыма. Джордж Вернадский говорил, что в Крыму был расцвет умственной и религиозной жизни. Но уже эти три сюжета говорят о том значении, которое для русской мысли, в том числе для консервативной мысли, имеет Крым. Думаю, это поле для дальнейших исследований. И очень правильно, что русская новая русская консервативная традиция делает свой шаг здесь, в Крыму. Это так внутренне справедливо и интересно, что, думаю, нас еще ждут немалые открытия.

А.П. Козырев. Андрей Витальевич, спасибо большое за ваш доклад, он частично пересекся с моим выступлением в Массандре, где я рассказывал о Булгакове. У меня конкретные вопросы. Где опубликованы протоколы следственного дела Булгакова? И еще вопрос. Так получилось, что в Париже я нашел булгаковский пражский дневник «Из памяти сердца» и его опубликовал в «Исследованиях по истории русской мысли» (есть такой альманах под редакцией Модеста Колерова). Там он описывает крымскую часть своего сидения в ЧеКе и высылку. То есть год спустя, находясь в Праге, он вспоминает, что было год назад в Крыму. Что касается крымского периода Булгакова, есть мутный слух в эмигрантской прессе, что Булгаков в это время якобы поддержал еврейские погромы. Что за ситуация с еврейскими погромами при Врангеле, и действительно ли Булгаков имел к этому какое-то отношение? Потому что по булгаковским пражским дневникам видно, что его действительно беспокоил еврейский фактор русской революции. Описывая свое сидение в ЧеКе, он делает на этом определенный акцент, что люди определенной национальности, которые коверкали русскую речь, издевались над русскими... Что вы как историк можете сказать по этому поводу?

А.В. Мальгин. Сначала о публикации. В нынешнем Таврическом национальном университете, теперь уже Крымском федеральном, работает профессор Сергей Борисович Филимонов. Он издал в 1990-х годах книгу, посвященную различным аспектам жизни русской интеллигенции в Крыму.

В том числе он опубликовал материалы, которые хранились в архиве СБУ. Там работала группа по реабилитации, которая выявила эти документы и опубликовала их, как и целый ряд других. Например, документы о высылке Мандельштама из врангелевского Крыма.

Что касается ситуации с еврейством в Крыму. Белая власть жестко пресекала проявления насилия по отношению к евреям. То есть евреи не одобрялись, была общая убежденность в том, что они играют существенную роль в революции, но ни Деникин, ни Врангель на территории Юга России, по крайней мере на территории Крыма, не допускали еврейских погромов. В отличие от революции 1905 года, революция 1917 года и Гражданская война не породили ни одной известной ситуации еврейских погромов. Во всяком случае, мне они не известны. Что касается отца Сергея Булгакова, то на него как бы пала тень проповедей протоиерея Иоанна Восторгова, который был, конечно, страшным антисемитом. Он собрал крестный ход и попытался идти впереди врангелевских войск, которые наступали летом 1920 года в Северной Таврии. Но их вовремя остановили, иначе Восторгов положил бы много людей. Тень проповедей Иоанна Восторгова и легла на отца Сергея Булгакова, потому что он готовил все документы высшего церковного управления на Юге России. Он часто заступался за евреев, потому что в Крыму оказалось много кадетов, а там еврейская прослойка была изрядная. Но были и еврей-консерваторы, например, Даниил Пасманик, который издавал газету в Крыму и всегда поддерживал российскую государственность. Пасманик был монархистом.